

Существенно, что в ЦЮД лексике, по всей видимости, нет индоарийских заимствований. Следовательно, распад ЦЮД языка никак не связан с появлением древних ариев на территории Западной Индии. Да и по приведенной выше хронологии он произошёл задолго до того, как они туда проникли.

В заключение отметим, что выявленная территория распада ЦЮД общности, судя по археологическим данным, является тем самым местом, где сформировались известные энеолитические культуры Центральной Индии. К сожалению, самые ранние этапы развития этих культур, представленные в поселках Каятха, Ахар и т. д., изучены еще крайне слабо. Нет и полной ясности в вопросе о характере преемственности между ними, хотя некоторые археологические материалы позволяют предполагать, что такая преемственность имела место. Во всяком случае, и по чисто археологическим данным можно говорить о существовании некоторой культурной общности в Юго-Восточном Раджастане, Восточном Гуджарате и Западном Мадхья-Прадеше на рубеже III—II тыс. до н. э. На протяжении II тыс. до н. э. эта область служила центром расселения энеолитических земледельцев как на восток (вверх по течению р. Нармада), так и на юг (по Западной Махараштре), что полностью соответствует лингвистическим данным о распаде ЦЮД общности.

И. И. Пейрос, В. А. Шнирельман

Б. М. Фирсов

«КРЕСТЬЯНСКАЯ» ПРОГРАММА В. Н. ТЕНИШЕВА И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Теоретические работы В. Н. Тенишева (1843—1903) являются не только «манифестом» его этносоциологических взглядов. В книге «Деятельность человека» установки автора конкретизируются в тщательно обдуманной классификации этнографических сведений, которые В. Н. Тенишев намеревался добывать, изучая деятельность на примере того или иного «племени или класса народа». Данную схему полезно привести полностью. В наиболее общем случае В. Н. Тенишев исходил из необходимости сбора сведений в таком составе:

- А. Отличительные свойства организма.
- Б. Окружающий мир в отношении к людям данного племени или класса народа.
- В. Исторический очерк.
- Г. Образ жизни народа.
- Д. Общественные установления. Обычаи и законы, регулирующие отношения людей ко всему племени или государству.
 - 1. Обряды и празднества. 2. Повинности. 3. Пользование общественным достоянием. 4. Направленность общественной жизни. 5. Переселения и иммиграция.
- Е. Отношения между соотечественниками.
 - 1. Соблюдение приличий. 2. Ограничения в пользовании дарами природы и имуществом. 3. Заем вещей и продуктов. 4. Наем. 5. Торговля. 6. Пользование деньгами. 7. Стремление возвысить свое общественное положение. 8. Сообщество.
- Ж. Верования, знания, язык, искусства.
 - 1. Верования (Воззрения на природу. Признание души и духов. Храмы и священные предметы. Молитвы. Совершение обрядов. Посты и правила воздержания. Вера в загробную жизнь. Смерть, похороны, поминки. Священнодействующие лица и священнослужители. Учреждения, поддерживающие культ). 2. Язык. 3. Письмо. 4. Счет. 5. Определение времени. 6. Знания. 7. Искусства. 8. Новшества и распространение известий. 9. Развлечения, игры, зрелища.
 - 3. Семья. Обычный порядок жизни.
- И. Сближение полов. Брак. Отклонение от брака.
 - 1. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности.
- К. Выходящие из ряда обстоятельства.

1. Общественные бедствия. 2. Местные бедствия. 3. Разлад в общественном строе. 4. Разлад в семейной жизни и бедствия. 5. Затруднения в половом сближении. 6. Полный разлад в брачной жизни. 7. Затруднения в прокормлении и воспитании детей. 8. Препятствия в жизни, касающиеся личности. 9. Специальные положения. 10. Разные случаи и опасности в путешествии¹.

Предложенная на любой возможный случай, схема несколько изменялась, когда речь шла об отражении быта вполне определенной этнической или социальной общности. Именно по этой причине из «Крестьянской» программы был изъят раздел *В*. «Исторический очерк». В нем не было нужды, поскольку русские корреспонденты собирали материалы о великорусских крестьянах-землепашцах. В «городскую» программу В. Н. Тенишев добавил сверх схемы раздел «Женщина как воспитательница детей», отдавая определенную дань сдвигам в общественном положении той части женщин, которые имели право и возможности для борьбы за эмансипацию.

Наряду с этим В. Н. Тенишев как составитель названных программ принял меры к основательной внутренней дифференциации практически всех разделов. Изучение текста «крестьянской» программы показывает, что операция осуществлялась на двух уровнях². Отталкиваясь от выработанной схемы, В. Н. Тенишев ввел в большинстве разделов более глубокие структуры подразделов (глав), увеличив тем самым число частей (диапазонов), на которые делилась та или иная сфера крестьянского быта. Продемонстрировать движение в этом направлении можно на примере раздела *Е*. В окончательном варианте сюда уже входили не 8 подразделов (глав), а 17: личные отношения, имущественные отношения, общинное владение, покупка земли за счет крестьянского общества, артели, договоры вообще, заем, наем, помочи, подряды, аренда и наем имущества, отдача имущества на сохранение, дарение, купля-продажа, торговля, промыслы и, наконец, окружающие помещики и крупные землевладельцы и их управляющие³. Еще более основательно был конкретизирован раздел *З*, посвященный семейной жизни крестьян и обычному порядку жизни. Информация, относящаяся к этой сфере быта, включала в себя такие стороны: крестьянский род, родственность, состав семьи, усыновление, приемыш, личные отношения домашних в семье, имущественные отношения в семье, выдел и раздел, наследство, завещания, распределение работ между членами семьи, уход членов семьи на заработки, батраки, охота и рыбная ловля, пчеловодство, домашние животные, жилище семьи и пристройки, орудия и домашняя утварь, отопление и освещение, одежда, пища, развлечения дома, курение и нюхание табаку, опрятность, домашние насекомые, защита от холода, экономическое положение семьи, обычный порядок жизни⁴.

Общий итог детализации можно выразить количественно: число подразделов (глав) превысило 130. Этот прием существенно облегчал корреспондентам систематизацию, упорядочение и описание наблюдений за различными сторонами крестьянской жизни.

Второй уровень детализации — разработка отдельных пунктов (параграфов) каждого подраздела (главы). Именно на этом уровне формулировались конкретные вопросы, на которые следовало получить ответ. Здесь внимание корреспондента фокусировалось на том, что казалось первостепенным, важным автору программы в их повседневной деятельности крестьян. В итоге редкий пункт «крестьянской» программы состоял из единственного вопроса. Наиболее детально разработанные пункты можно назвать «микропрограммами», они часто включали 10 и более вопросов, составленных и выстроенных с соблюдением определенных

¹ Тенишев В. Н. Деятельность человека СПб., 1897. С. 48—83.

² См.: Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1897; *его же*. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Изд. 2-е, испр. и доп. Смоленск, 1898.

³ Там же. С. 31—52.

⁴ Там же. С. 93—118.

правил исследовательской логики. Формулировка вопросов, с одной стороны, непрерывно настраивает корреспондента на общую с составителем программы волну⁵. Смысл такой настройки прост, но важен. Путем подсказки, ссылкой на вполне конкретные факты, вошедшие в обыденное сознание, постоянно определяется явление, высвечиваются нужные его грани. С другой стороны, с помощью вопросов извлекается комментарий к тому или иному явлению: оценки его распространенности в настоящем и прошлом, мотивы отношения к нему крестьян, примеры их действий, поступков, особенности поведения возрастных, имущественных и иных групп и т. д.

Меру детализации программы характеризует общее число пунктов — 491, в составе которых около 2500 единичных вопросов. Детализация программы на обоих уровнях осуществлялась чисто эмпирическим путем. Выделение основных структурных единиц программы — подразделов (глав) и пунктов (параграфов) — производилось В. Н. Тенишевым без использования строгого понятийного языка и теоретических обоснований при операционализации интересовавших его явлений крестьянского быта. Поэтому современный читатель-специалист легко обнаружит здесь и эклектику, и смешение разных сторон одних и тех же явлений, и их относительно слабую расчлененность, и, наконец, неравномерность в отражении разных явлений действительности. Здесь также легко обнаружить пристрастия составителя, в силу чего одни пункты выглядят необоснованно растянутыми, другие — неправоммерно сжатыми. Подобные замечания верны, и интуиция не изменяет современным авторам, когда они пишут об этом⁶.

Но объективности ради следует сказать, что подмеченные несовершенства «Крестьянской» программы В. Н. Тенишева не могут скрыть ее позитивных качеств. Программа была изначально ориентирована на получение обширного фактического знания, и эту линию удалось последовательно провести в жизнь. Не случайно, оценивая общие итоги деятельности Этнографического бюро, мы постоянно подчеркиваем богатство собранных сведений, живость материалов, их разносторонность, фактическую ценность для многостороннего познания труда, быта, культуры крестьян конца прошлого века.

Эти заключения вполне обоснованы. Их предпосылки по справедливости надо связать с общими исходными установками программы на достижение высокой достоверности сведений, предназначавшихся для сбора. «Поэтому безусловно необходимо, чтобы гг. сотрудники (корреспонденты бюро.— *Б. Ф.*) с точностью передавали фактические наблюдения с указанием времени и места, где они произведены. Относительно сведений, добытых путем расспросов, должно сообщать, насколько существует полная уверенность в их правдивости»⁷, — говорилось в Предисловии к программе.

Сопоставление текстов 1-го и 2-го (исправленного и дополненного) изданий программы позволяет считать, что основные усилия были направлены на повышение гарантий правдивости ответов. Здесь же можно увидеть общие подходы к достижению этого качества. Доля пунктов программы, куда были внесены те или иные содержательные изменения (стилистическая правка не в счет), не превысила 1/10 их общего количества. Лейтмотив изменений — побудить корреспондента не ограничиваться ссылками на бытование явления, а приводить очевидные свидетельства, укрепляя фактологическую, событийную основу этнографических сведений. Таковы, например, требования во 2-м издании программы «подробно описать», «добавить», «осветить»: ⁸ случаи, когда крестьянин,

⁵ Эта особенность программы В. Н. Тенишева подмечена М. М. Громыко в ее книге «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», М., 1986. С. 15, 16.

⁶ Громыко М. М. Указ. раб. С. 16.

⁷ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Изд. 2-е. С. 7.

⁸ См. об этом: Там же. С. 16—17, 27, 38, 39, 41, 68, 98—100, 119, 212, 216.

совершивший преступление, скрывается от судебной или административной ответственности, тогда как не таит содеянного от своих односельчан (глава «Преследование преступлений» — § 14); случаи судебной волокиты по разным инстанциям (глава «Суд и расправа» — § 54); случаи наказания за неисправность в уплате податей (глава «Повинности» — § 96); происходящие в деревне или ближайшем селе празднества (глава «Празднества» — § 101); случаи, относящиеся к благотворительности крестьян (глава «Стремление возвысить свое положение» — § 106); промыслы, которыми занимаются крестьяне (глава «Промыслы» — § 185); суеверные средства лечения (глава «Поверья, относящиеся к главным событиям жизни» — § 230); случаи, когда сновидениям придается значение (там же — § 231); мимика и жесты при разговорах (глава «Язык крестьян» — § 246); отношение народа к снохачеству (глава «Разврат» — § 459); случаи похорон самоубийц (глава «Самоубийство» — § 468) и др.

Второй способ повышения достоверности — увеличить полноту описания явлений крестьянского быта. Программа была далека (и осталась в новой редакции далекой) от системного описания быта крестьян. Но В. Н. Тенишев явно различал среди пунктов программы обычные и ключевые, проявлял особую заботу о надлежащей развернутости последних. Так, один из важных пунктов всей программы (§ 107) касался личных отношений крестьян. В 1-м издании «Крестьянской программы» сюда включались вопросы относительно поведения крестьян при встрече, форм приветствий и обращений, содержания наиболее типичных разговоров. Затем шли вопросы о влиянии имущественного положения на отношения между крестьянами. Еще одна группа вопросов касалась гостеприимства, характера посещений «за делом», соседских отношений. Последний блок — вопросы об отношениях с людьми за пределами своей деревни (влиятельные лица, приезжие из ближних деревень, чужестранцы)⁹. Добавления во 2-м издании были сделаны с целью преодолеть отрывочность, мозаичность этого пункта. В новой его редакции предлагалось привести словесные стереотипы, выражающие вежливость, ласку, недовольство, презрение, высокомерие. Затем следовала серия единичных вопросов, существенно расширявших сферу личных отношений, позволявших увидеть в них следы влияния морали, нравственности, этнического самосознания, конфессиональных убеждений. В частности, предлагалось ответить на вопросы: Как оберегают крестьяне свою честь и в чем усматривают бесчестье? Чем приобретает уважение и чем навлекается презрение? В чем видит народ главные отличия себя от жителей других местностей? Какие вообще существуют отношения к лицам другой народности, к иностранцам? Как народ смотрит на иноверцев — христиан и нехристиан (католиков, лютеран, евреев, магометан)? Считает ли их людьми погибшими, презирает или относится безразлично к их иноверию? В заключение предлагалось подробно описать наблюдаемые личные отношения¹⁰.

С целью детализации, усиления фактической основы были видоизменены § 241 (глава «Церковь и религиозное почитание»), § 242 (глава «Священники и причт»), § 245 (глава «Почитание праздничных дней»). Последний из названных пунктов имел очень отрывочные, лапидарные формулировки: Нет ли особых празднований, приуроченных к временам года? Как празднуется Масленица? Как празднуются Святки? Наряжаются ли в это время (как наряжаются?) Кто и почему? Нет ли особых песен, приуроченных к тому или иному времени года или празднику? Во 2-м издании программы вопросы о Масленице, Святках, Пасхе и особенностях их празднования превратились в самостоятельные и подробные «подпрограммы»¹¹. На изменениях обычных пунктов мы не будем останавливаться. Мотив этих изменений — реализация исходной установки на достоверность.

⁹ Там же. Изд. 1-е. С. 31—32.

¹⁰ Там же. Изд. 2-е. С. 42—43.

¹¹ Там же. С. 116—118.

Еще один резерв повышения достоверности — контроль за сбором этнографических сведений. Коммерческие отношения с внештатными сотрудниками позволяли регулировать этот процесс в достаточно широких пределах. Корреспондента обязывали «постоянно помнить, что от него требуются факты, а не выводы; поэтому к вопросам программы необходимо приурочить отдельные наблюдения, поставив себя в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту»¹². В специальном письме-инструкции Этнографическое бюро просило принять к сведению, что «сотрудник, посылая рукопись, представляет ее в полное распоряжение Бюро», что «гонорар уплачивается по рассмотрении рукописей в Бюро и притом только за материал, признанный годным», а гонорар устанавливался, «смотря по достоинству материала»¹³.

С учетом первого опыта сбора сведений в 1897 г. во 2-м издании программы предлагался ряд новых рабочих правил, в определенном смысле ужесточивших рамки деятельности корреспондентов с целью повысить качество исходной информации¹⁴. Например, разъяснялось, что ответы на вопросы отделов А, Б, Г (соответственно «Физические, природные свойства крестьян», «Местные условия жизни крестьян», «Общие указания об образе жизни крестьян») должны давать только постоянные сотрудники, избравшие определенную местность (село или деревню), чтобы сообщать оттуда ответы на значительную часть вопросов. По отделам программы Д и Е (соответственно «Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношения крестьян к обществу» и «Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам») ответы должны были по большей части заключать непосредственные наблюдения крестьянской жизни. Там же говорилось, что наблюдения, связанные с главами «Преследование преступлений» (§ 14—43) и «Суд и расправа» (§ 44—90), следует подкрепить отзывами крестьян, причем, ценными будут суждения, которые крестьяне выскажут в непринужденной обстановке. Такое же требование распространялось и на отдел Ж, где речь шла о верованиях и знаниях крестьян: «Здесь, кроме наблюдений над внешними проявлениями, как, например, над обрядами, суеверными действиями и умелыми приемами, является необходимым дознаться путем расспросов от самих крестьян, как они относятся к тем или иным предметам, явлениям, событиям и вопросам жизни»¹⁵. В заключение предписывалось, «чтобы разговоры крестьян между собою, их рассказы и ответы гг. сотрудниками были записываемы и передаваемы в подлинных словах, а не по предметам, облакаемым в форму письменных документов (например, решения волостных судов, постановления сельских сходов, договоры о найме, аренде земли и проч.), такие документы сообщались в подлинниках или снимались копии с них»¹⁶.

Дальнейшее использование материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева должно опираться на показатели их надежности как источника ретроспективной социальной информации. В конечном счете здесь было бы интересным и важным установить соответствие материалов реалиям крестьянского быта XIX в. Говоря об этом, мы исходим из одной генетической, если так можно выразиться, характеристики материалов бюро. Речь идет о разнице социального положения корреспондентов («познающих субъектов») и крестьян («объектов наблюдения»), которая заведомо допускалась и могла отрицательно повлиять на объективность отражения жизни крестьян. Факты свидетельствуют, что среди 300 с лишним корреспондентов¹⁷ наиболее заметно были представлены

¹² Там же. С. 3.

¹³ Из текста «Письма-инструкции» от 1 июня 1898 г., адресованного всем корреспондентам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева.

¹⁴ См.: Тенишев В. Н. Программа ... Изд. 2-е. С. 6—7.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Корреспондентский корпус Этнографического бюро насчитывал 348 чел. (см. об этом: Начинкин Н. Материалы «Этнографического бюро В. Н. Тенишева» в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР)//Сов. этнография. 1955. № 1. С. 160.

народные учителя и учительницы (преобладающее число), затем духовенство, сельские и волостные власти, лица, состоящие на государственной службе. Завершали этот список местные крестьяне. Их насчитывались единицы¹⁸.

Положительное мнение этнографов и историков о ценности собранных Этнографическим бюро сведений не снимает вопросов общей надежности. Но чтобы решить их более или менее удовлетворительно, пришлось бы сопоставлять материалы бюро с другими историко-этнографическими и историко-культурными данными.

В поисках приближений к решению поставленных вопросов мы попытались через косвенные показатели установить прежде всего степень соответствия содержания корреспондентских рукописей требованиям и содержанию программы, используя при этом информационные подходы. Ведь архивы являются частью социальной памяти — своеобразного хранилища результатов практической и познавательной деятельности людей¹⁹.

Первый шаг состоял в получении данных о работоспособности программы через сведения о том, какие из ее разделов (глав, пунктов) имеют высокое, среднее или низкое информационное обеспечение. Особенности применявшегося В. Н. Тенишевым метода сбора данных, аналогом которого является современное анкетирование на основе «открытых» вопросов, вносили большую стихийность в отражение реальности каждым отдельным корреспондентом. Это, в частности, не могло не привести к высокой степени дискретности индивидуальных ответов по отношению к тексту всей программы. Ведь каждый корреспондент описывал наблюдения в соответствии со своими личными знаниями и интересами к той или иной сфере крестьянского быта. В какой мере коллективная деятельность всех корреспондентов эту дискретность устраняла? Сохранялись или, напротив, ликвидировались существенные разрывы в потоке индивидуально сообщавшихся сведений, где часто оставались неохваченными целые участки действительности? Велики ли размеры таких участков? Имеют ли образовавшиеся «белые пятна» принципиальный характер для воссоздания всей картины крестьянской жизни или же отсутствием ответов на ряд «частных» пунктов можно пренебречь? Вот конкретные вопросы, которыми мы задались.

Кроме того, одни из пунктов программы требовали от корреспондентов больших усилий и развернутых по форме и содержанию ответов, другие допускали ответы в форме коротких реплик, в виде подтверждения или опровержения конкретного явления, факта, обычая и т. д. Путем соответствующих сопоставлений важно было установить, в каком направлении действует эта исходная неравноценность отдельных пунктов и вопросов; увеличивает ли она или, напротив, уменьшает информационные разрывы в сообщениях корреспондентов. Ведь сложность стимула могла играть роль источника систематических погрешностей в реакциях, оставляя без ответа наиболее сложные задания программы.

Наш опыт «источнико-метрии» был осуществлен на базе 5% сплошной выборки дел из материалов Владимирской губернии (общее число дел, хранящихся в архиве, составляет 1844, см. ниже). Выбор этой губернии продиктован прежде всего факторами историко-культурными. В качестве области древней русской культуры ее обстоятельно изучали историки, археологи, искусствоведы и, конечно же, этнографы. «Средним» (или типичным) объектом для исследования традиционного фоль-

¹⁸ О социальном составе корреспондентов см.: *Чарушин А. А.* Крестьянские переселения в бытовом их освещении // Изв. Архангельск. о-ва изучения Русского Севера. 1911. № 18. С. 500. Состав корреспондентов менялся по губерниям. Например, во Владимирской губернии более других были представлены лица духовного звания, семинаристы (не менее 10 из 22 чел.).

¹⁹ См. об этом: *Ребане Я. К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопр. философии. 1982. № 8. С. 46; *Илизаров Б. С.* Роль ретроспективной социальной информации // Вопр. философии. 1985. № 8, С. 60—69.

клора в наше время Владимирскую область справедливо назвали Э. В. Померанцева и Н. В. Новиков²⁰. С точки зрения социально-экономической, как показал современный анализ, Владимирская губерния представляла весьма распространенный в конце прошлого столетия помещичье-крестьянский тип аграрного развития²¹. Заметим здесь, что тот же анализ позволяет отнести к этому типу еще 18 губерний из 23, представленных в материалах Этнографического бюро. С количественной точки зрения объем выборки (96 дел) был близким к среднему числу дел в расчете на одну губернию (80 дел). Учитывалось также, что Владимирская губерния была достаточно полно представлена материалами в архиве Русского географического общества, что позволило провести сопоставление двух источников информации о быте крестьян (см. далее).

Проверка рабочих свойств «Крестьянской» программы облегчалась двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что от корреспондентов требовалось четко указывать номер пункта, к которому относились сообщаемые сведения. Забывчивость корреспондентов, как правило, корректировалась штатными сотрудниками бюро, принимавшими материалы. Таким образом, количественными критериями полноты ответов на вопросы программы считались: во-первых, сам факт наличия (отсутствия) ответа и, во-вторых, число ответов, поступивших от корреспондентов — авторов выборочной совокупности дел. Косвенной характеристикой этнографического качества материалов являлась категория их оплаты. Ознакомление с рукописями показывает, что штатные сотрудники были весьма требовательны к «достоинству» (содержанию) материалов, которое понималось как интегральная характеристика труда корреспондентов, зависящая от обстоятельности и аргументированности сообщенных сведений и, разумеется, от того, насколько строго корреспонденты соблюдали правила, обеспечивавшие достоверность информации.

В материалах Владимирской губернии сохранились пометки относительно оплаты всех 79 рукописей (дел), содержащих личные наблюдения корреспондентов Этнографического бюро над разными сторонами крестьянского быта²². Приведем распределение их в зависимости от размера гонорара: оплачены из расчета 15 руб. за п. л. (рукописи среднего достоинства) — 56 дел; из расчета 20 руб. за п. л. (рукописи выше чем среднего достоинства) — 22 дела; из расчета 25 руб. за п. л. (рукописи высокого достоинства) — 1 дело. Рукописей (дел), оплаченных по высшей категории (30 руб. за п. л.), нет. При выплате денег корреспондентам объем принятого текста рассчитывался с точностью до буквы.

Попытаемся продемонстрировать, что использование этих процедур (вслед за ознакомлением с содержанием всех включенных в выборку дел) позволило не только оценить реализацию крестьянской программы, но и показать более широкое значение материалов, собранных Этнографическим бюро В. Н. Тенишева.

1. Соответствие первичной информации программе сбора этнографических сведений. На 491 пункт корреспонденты Владимирской губернии дали около 1200 ответов (см. табл. 1). Примерно 30% составили ответы, отличающиеся по своим достоинствам от остальных. Полученными ответами охватываются все разделы и в принципе все подразделы (главы) программы. Среднее число ответов на один пункт равняется 2,4. Этот показатель варьирует от раздела к разделу. Вариации кажутся естественными. Ведь весьма различным был

²⁰ Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.) / Отв. ред. Померанцева Э. В. М., 1972. С. 13.

²¹ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) // Вопр. истории. 1979. № 1. С. 91.

²² Авторами этих 79 рукописей являются 22 человека. Еще 17 рукописей включают в себя копии материалов, опубликованных в «Губернских ведомостях», в трудах и материалах Владимирского губернского статистического комитета и других этнографических публикациях. Нами установлено, что их авторами являются 7 человек, которых нельзя считать корреспондентами Этнографического бюро.

Таблица 1

Показатели распределения ответов корреспондентов между различными разделами «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (по результатам изучения выборки дел Владимирской губернии, N-96 дел)

Название раздела	Число пунктов программы в разделе	Общее число полученных ответов	В том числе ответов «выше чем среднего достоинства» и «высокого достоинства»	Среднее число ответов на один вопрос раздела
А. Физические свойства крестьян	2	9	5	4,5
Б. Местные условия жизни крестьян	4	24	11	6,0
Г. Общие указания об образе жизни крестьян	1	5	1	5,0
Д. Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношения крестьян к обществу	99	135	8	1,4
Е. Отношения между собой и к посторонним людям	80	158	56	2,0
Ж. Верования, знания, письмо, искусства	115	340	75	3,0
З. Семья, обычный порядок жизни	87	322	136	4,0
И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака	34	107	5	3,0
I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности	14	19	1	1,4
К. Выходящие из ряда обстоятельства	55	75	50	1,5
Итого	491	1196	348	2,4

удельный вес разделов в структуре программы; еще заметнее различались между собой объекты, на описание которых они были направлены. Имело значение и то, насколько близкой казалась корреспондентам та или иная сфера крестьянского быта. Сочетание названных факторов могло иметь самые неожиданные результаты, тем более, что жестким контролем за деятельностью корреспондентов не преодолевалось действие случайных обстоятельств. Одно из проявлений случайности — заметные колебания «плотности информации» внутри разделов программы, имеющие своим следствием некоторый избыток сведений по одним пунктам и дефицит сведений по другим.

При просмотре материалов зафиксировано 47 пунктов, по которым не поступили ответы. После внимательного ознакомления с содержанием рукописей это невыгодное впечатление заметно ослабело. Ответы не менее чем на 15 пунктов содержатся в делах, но только под другими номерами. В итоге число «безответных» пунктов сократилось до 32: по разделу Д — 17 пунктов, по разделу Е — 6 пунктов, по разделу Ж — 2 пункта, по разделу З — 1 пункт, по подразделу I — 2 пункта, по разделу К — 4 пункта.

Насколько существенны эти «белые пятна» для заключения о рабочих свойствах программы?

Раздел Д явно ориентирован на сбор сведений об обычном праве, которым охватывалась и регулировалась значительная часть крестьянского быта. Пытаясь выяснить силу действия юридических обычаев, В. Н. Тенишев, как нам кажется, сделал пункты этой части программы чересчур мелкими, связал их с событиями и явлениями специфическими, лежащими за пределами ядра событий и явлений, характеризующих крестьянский быт. Значительное число вопросов по его воле было сконцентрировано на процессуальной стороне судебного разбирательства, на юридических тонкостях, знание которых, вероятнее всего, было обязанностью судебных чиновников-профессионалов. «Белое пятно», т. е.

отсутствие ответов на 17 вопросов в разделе *Д*, представляется нам весьма небольшим по своей «площади».

Примерно так же оценивается дефицит данных, вызванный отсутствием ответов на 6 вопросов раздела *Е* («Отношения крестьян между собой и к посторонним людям»). Эти вопросы носят как бы «точечный» характер, касаются весьма частных сторон и примеров действия имущественных отношений и отношений собственности (например, возможность имущественного найма не за деньги, а из части прибыли; наличие права перекупа у родных и др.).

Из оставшихся «безответными» заслуживают внимания пункты разделов *Ж* и *К*. При освещении первого из них корреспонденты не ответили на вопрос о том, что знают крестьяне о физических свойствах тел (железо, дерево, кожа и т. п.) — § 286 и что они знают о механизмах и машинах, как объясняют действие и устройство рычага, молотилки, паровых двигателей, железной дороги, телеграфа и т. д. — § 288. В суждениях корреспондентов о грамотности и образованности крестьян заведомо обозначается отрицательный вывод. У крестьян, сказали бы мы, не было причин для отвлеченных рассуждений о свойствах физических тел или стремления к детальному постижению техники своего времени. Реальной потребности в таких знаниях не возникало, а чистое умозрение всегда было противоестественным для практически ориентированного крестьянского ума. И все же пробел информации в данной части ответов не кажется пустяковым.

Оставшиеся без ответа 4 пункта раздела *К* касались поведения крестьян в случаях экономического расстройств дел, разгула стихии — бурь и наводнений, а также причин и масштабов массовых и одиночных переселений. Отсутствие ответов на эти вопросы до известной степени обеднило картину поведения крестьян в чрезвычайных обстоятельствах.

Но, строго говоря, на этом перечислении и заканчивается счет необратимым потерям первичной информации. Ответами корреспондентов воссоздается практически вся запрограммированная панорама крестьянской жизни. Пробелы, естественные для индивидуальных сообщений, устраняются за счет роста числа корреспондентов. Таким образом, достигается общая полнота ответов, а распределение информации по всему «полю» программы выравнивается.

Распределение дел и ответов по уездам в пределах материалов одной губернии является неравномерным, что ограничивает сопоставления на уровне уездов по полному перечню вопросов, предусмотренных программой. Однако при определенном условии те же материалы могут выступать как характеристика быта крестьян губернии в целом. Условие это состоит в следующем. Материалы, относящиеся к конкретной губернии, должны насчитывать 40—50 дел (или около 1000 листов рукописей — в другом измерении). В таком случае существует большая вероятность, что на каждый пункт программы в материалах содержится, как минимум, один ответ. Собственно в этом и состоит гарантия достаточно надежных межгубернских сопоставлений по всем разделам программы. Представляется, далее, что сопоставления крестьянского быта различных губерний могут в подобных случаях осуществляться на примерах отдельных уездов. В пределах каждой губернии, если для нее выполняется «нижняя норма» информационного обеспечения (наличие 40—50 дел), также с большой вероятностью могут быть отобраны уезды, представленные материалами по всему диапазону запрограммированных сведений о быте крестьян. К числу таких обеспеченных ответами губерний кроме Владимирской относятся Вологодская, Вятская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Ярославская, или 12 губерний из 23, представленных в материалах Этнографического бюро В. Н. Тенишева.

2. Структура материалов Этнографического бюро в свете современных представлений. «Крестьянская» программа В. Н. Тенишева является этнографической в своей основе. Попробуем теперь выразить ее особенности на языке (в категориях) со-

Таблица 2

Структура «Крестьянской» программы В. Н. Тенишева и первичной информации в свете современных этнографических исследований (по результатам изучения выборки дел Владимирской губернии, N-96 дел)

Направления (объекты) современных этнографических исследований	Число вопросов программы, соответствующих направлению (в %)	Число ответов, соответствующих направлению (в %)	Среднее число ответов на один пункт
Основные занятия (хозяйственная деятельность)	3	6	4,5
Социальная организация (социальные отношения)	55	42	1,7
Материальная культура	2	3	5,3
Духовная культура	26*	33*	2,7
Семья и семейно-брачные отношения	14	16	2,5
Итого	100	100	2,4

* Вопросы и ответы, относящиеся к языку крестьян, включены в раздел «Духовная культура».

временной методологии изучения явлений общественной жизни, встроив блоки программы и соответственно все элементы полученной информации в ныне принятую структуру этнографических исследований. Результаты такой «перекодировки» представлены в табл. 2²³. Она позволяет лучше понять качественную сторону программы и, самое главное, объектно-предметную соотнесенность полученных данных. Первое место по удельному весу принадлежит материалам, характеризующим социальную организацию и социальные отношения, свойственные русским крестьянам в конце XIX в. К ним органически примыкает информация, отражающая хозяйственную деятельность изучавшейся части этноса. Эти два раздела сведений в сумме составляют около половины всех материалов Владимирской губернии (и с большой вероятностью — Этнографического бюро в целом). Еще 1/3 информации так или иначе связана с различными элементами духовной культуры. Затем следуют данные о крестьянской семье и семейно-брачных отношениях. Относительно невелик удельный вес материалов о развитии материальной культуры (3% от всего количества ответов), но, как известно, В. Н. Тенишев не ставил перед собой цель подробно изучать эту сферу. Итак, быт русских крестьян сквозь призму тогдашних социальных отношений разного уровня и разной предметной направленности плюс характеристики духовной культуры крестьянства центральных и северных губерний России — вот две наиболее обширные области, к которым тяготеют едва ли не все материалы Этнографического бюро.

3. Итоги приближенного сопоставления материалов Этнографического бюро с аналогичными материалами научного архива Русского географического общества (РГО)²⁴. С качественной стороны уместно говорить о следующем. Рукописи Этнографического бюро относятся к последнему десятилетию XIX в. и характеризуют быт крестьян в канун последовавших затем революционных потрясений. Материалы РГО датируются разными временными отрезками XIX в., хотя их основу и самую ценную в историко-этнографическом отношении часть составляют рукописи, поступившие в ответ на программу и анкеты РГО в 1848—1870 гг., в период,

²³ Перекодировка разделов, пунктов программы В. Н. Тенишева и ответов произведена на основе книги: *Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974 (гл. I — «Этнография в системе общественных наук», гл. III — «Понятийный аппарат этнографической науки»).

²⁴ Материалы Этнографического бюро сопоставлялись по общим признакам с описаниями рукописей Владимирской губернии, включенными в кн.: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. Ради краткости изложения в тексте статьи не приводятся промежуточные результаты сопоставления.

который считается переходным от феодальных отношений в деревне (и городе) к капиталистическим. В целом синхронность материалов Этнографического бюро представляется более выраженной.

Доминанту материалов РГО образуют описания, посвященные языку, фольклору и другим явлениями, непосредственно соотносимым с духовной культурой (хотя и здесь имеется немало рукописей, характеризующих физический тип русского населения, жилье, домашнюю утварь, одежду, пищу, орудия труда и трудовые занятия)²⁵. Их сопоставление с материалами Этнографического бюро показывает, что в последних быт крестьян отражается более разнообразно, более адекватно своей истинной социальной сложности. Здесь следует напомнить, что первые программы РГО возникли и рассылались в пору, когда этнографическая наука только складывалась, а опыт составления таких программ был невелик. «Тенишевская» программа вобрала в себя многие традиции полувекового изучения жизни русского народа. Наверное, поэтому материалы Этнографического бюро обладают определенными преимуществами для случаев, когда задачей исследований является описание объекта — быта русских крестьян — в сравнительно узком интервале исторического времени. Разрешающая способность материалов к отражению своего объекта может быть оценена как весьма высокая.

Число губерний, представленных различными материалами в обоих архивах, составляет 18. Число дел, хранящихся в архиве РГО и архиве Этнографического бюро, составляет для этих губерний соответственно 986 и 1504. По нашим подсчетам, объемы информации для этих 18 губерний оцениваются в 16 000 (РГО) и 30 000 (Этнографическое бюро) «полулистов»²⁶. В действительности соотношение объемов информации следует усилить в пользу Этнографического бюро, ибо около 20% дел Владимирской губернии в архиве РГО имеют «городской» характер. Этим как бы еще раз подчеркивается полнота собрания сведений о быте русских крестьян в Бюро В. Н. Тенишева.

4. Оценка суммарного объема информации в материалах Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Общее число дел Владимирской губернии составляет 96. Пометки об объеме принятого после сокращений текста содержатся в 66 делах. В количественном выражении этот объем исчисляется округленно как равный 1 млн. 720 тыс. знаков (или примерно 50 п. л.). Можно уверенно допустить, что распределение текста еще в 30 делах Владимирской губернии характеризуется той же количественной мерой. Тогда для всех дел Владимирской губернии объем принятого текста составит

$$\frac{50 \text{ п. л.} \times 96 \text{ дел}}{66 \text{ дел}} = 73 \text{ п. л.}$$

Примем, что среднее количество текста в расчете на одно дело характеризуется величиной 0,75 п. л. Опираясь последним показателем, можно оценить количество текста, или суммарный объем информации всех материалов, приобретенных у корреспондентов (1844 дела). Он составит не менее 1400 п. л. Последнее число нуждается в уточнении, если мы захотим оценить объем первоначально поступившего текста, который, как известно, подвергался редакционным сокращениям. Мы оце-

²⁵ См. об этом: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 100—101; Рабинович М. Г. Ответы на программу Русского Географического общества как источник для изучения этнографии города//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 5 (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 95). М., 1971. С. 40—41.

²⁶ Большинство рукописей представлены в Этнографическое бюро их авторами в так называемых «полулистах» — листах обыкновенной писчей бумаги, сложенных для продажи вдвое (размер 22×36 см). Правда, некоторые «полулисты» заполнялись (в нарушение инструкции) с двух сторон. Еще одна весьма небольшая часть рукописей представлялась в «четверках» (размер поля 22×16 см). Для практических расчетов мы приняли, что все материалы поступали в бюро в «полулистах». В описаниях Д. К. Зеленина размеры листов рукописей указывались в тех же «единицах». Это и позволило произвести чисто количественное сравнение объема текстов в двух архивах.

ниваем сокращения примерно в 10—15%. Тогда искомое значение объема информации будет находиться в интервале между 1550 и 1650 п. л., приближаясь округленно к 40 000 страниц стандартного машинописного текста.

Наконец, еще один важный показатель. Опираясь на изучение выборочной совокупности материалов, можно утверждать, что каждые 40—50 дел содержат с большой вероятностью, как минимум, один ответ на все вопросы «Крестьянской» программы. Легко подсчитать, что для 1844 дел «средний тираж» ответа на каждый пункт программы составляет примерно 40 (при наличии определенной дисперсии, значение которой зависит от раздела программы).

Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева позволяют воссоздать этнографически (этносоциологически) целостную картину жизни русских крестьян на грани XIX и XX вв., в канун громадных социальных перемен. За годы, прошедшие с момента создания Этнографического бюро, его материалы неоднократно использовались в научных публикациях дореволюционного периода и особенно последних 10—15 лет. Однако эти работы чаще всего опирались на относительно узкие сектора всего массива собранных этнографических сведений, оставляя многие существенные части информации «невостребованными» даже в самой малой степени.

Следующее предложение касается сохранности материалов Этнографического бюро. Продлить их жизнь можно с помощью ЭВМ. Несмотря на кажущуюся сложность, такая задача практически разрешима. Полезно напомнить, что большинство рукописных материалов (до 3/4) имеет машинописные копии, изготовленные в начале столетия и сохранившиеся до наших дней. Именно с этих копий следует осуществить перенос информации на магнитные носители, позаботившись впоследствии и о том, чтобы ввести в ЭВМ материалы, не имеющие машинописных копий. Такая технология уберет богатейший рукописный фонд и представит широкие возможности как для научной работы, так и для обучения студентов.

Последнее. Весьма эффективным способом общенаучного использования архивов является публикация хранящихся рукописей. Этот способ является более оперативным и может помочь тому, чтобы в сознании научного сообщества утвердился более определенный взгляд на возможности материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Публикация рукописей должна быть предпринята и с целью популяризации в народе прошлого русской культуры, памятником которой являются материалы Этнографического бюро в их целостности и разнообразии.

Н. Г. Краснодембская

ШРИ ЛАНКА: ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мне посчастливилось побывать в мирной Шри Ланке и убедиться на собственном опыте, что слова многих ученых и путешественников, посетивших этот остров, о непревзойденном мягкосердечии, добром нраве, приветливости и дружелюбии местных жителей — не преувеличение, а истинная правда. Поэтому события последних лет в этой стране — факты острых межэтнических столкновений, жестокие террористические акты экстремистов — просто не укладываются в голове. Однако научное осмысление ситуации показывает определенные закономерности в возникновении конфликта, имеющего этническую окраску. Поэтому важно рассмотреть этот вопрос в соотношении таких аспектов, как национальное (и этническое) самосознание и национальная культура. Оба аспекта